

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Б. Я. ПЕТКЕР,
нар. арт. СССР.

1933 г. Этим утром, часов в 11, мне позвонили из МХАТа и сказали, что Константин Сергеевич вечером намерен нас принять. Нас — это В. Н. Попову, А. П. Кторову и меня, недавно вступивших в труппу Художественного театра.

Всякий покой был нарушен. Мы без конца переизменялись друг с другом, совещались о форме одежды, о поведении, старались предугадать каждую мелочь.

Весь день, наполненный мыслями о предстоящем свидании с великим художником, под руководством которого нам теперь выпало счастье работать, был настолько тревожен, что когда наступил час встречи, я оказался в полной растерянности — меня не покидала навязчивая мысль, что чего-то я все-таки не предусмотрел...

Я много раз видел Константина Сергеевича в спектаклях. Один раз (это казалось мне почти неправдоподобным счастьем) я увидел его на улице. Он зашел в гастрономический магазин и купил веничку. Такая «проза» ошеломила меня. Все земные заботы совершенно не вязались с моими представлениями о возвышенном, прекрасном облике артиста. Так вероятно думают все, когда им 19 лет.

И вот сейчас парадно одетый ради торжественного дня, дрожа от волнения, я стою на пороге кабинета этого великого человека...

Да, это понятно, почему даже теперь, войдя в кабинет Константина Сергеевича, вы невольно сосредоточиваете свое внимание на самом главном, на том, что составляет его жизнь: небольшой, прислоненный к стене диван, маленький круглый столик, несколько кресел... Все это сразу как-то очень ясно ассоциируется с самим Константином Сергеевичем. Здесь, на диване, он сидел, думал, формулировал в системе свои мысли, беседовал с актерами... Лампа с абажуром-колпачком бросает яркий сноп света на стол. И от всего этого маленького, скромного уголка веет какой-то большой мудростью, тишиной, напряженной, сосредоточенной работой.

Освещенный кабинет — это уже совсем другое. Он большой, просторный, в нем много воздуха, но на первый взгляд он кажется слишком парадным, несколько роскошным, что не вяжется с таким предельно скромным обликом Константина Сергеевича. Расписной потолок, богатая люстра, большие зеркала между окнами, золоченные чашечки на книжном шкафу, и только где-то совсем в стороне, у левой стены — маленький столик, диван, несколько кресел.

Правда, внимательнее осмотрев комнату, в ней можно заметить множество мелочей, так свойственных, так характерных для ее владельца. Под роскошными зеркалами вы вдруг замечаете простые большие сундуки, в которые сложены (это почему-то сразу чувствуется) театральные костюмы Константина Сергеевича — спутники его успехов и исканий... А вот между дорожными чашечками возвышается два тяжелых медных подсвечника, оставшиеся у Константина Сергеевича со времен спектакля «Уриэль Акоста». Или дверь — массивная, низкая, мрачная, веющая средневековым, — дверь, охранявшая когда-то богатства «скупого рыцаря». Несколько картин — и это все эскизы декораций — «Мнимый больной», «Хозяйка гостиницы», «Гамлет». А в самом верху, над диваном — маленький шестилампный софитик — маленькая, трогательная примета театра. Все это я разглядел позднее, но вот...

С дивана навстречу нам поднялась громадная фигура Константина Сергеевича. Как всегда величественный и изящный, он предстал перед нами

особенно парадным и торжественным. Синий костюм, черный галстук-бабочкой резко оттеняли великолепную посадку его усеребренной головы.

— Очень рад, очень рад, — приветливо сказал он, прикладывая обе руки к груди.

Мы расположились напротив Константина Сергеевича. Здесь же находились Е. С. Телешева и В. Г. Сахновский, с которыми мы встречались еще на Коршевской сцене.

Облокотившись на спинку дивана, сложив на коленях свои большие красивые руки, Константин Сергеевич направил свет лампы прямо в нашу сторону и, улыбаясь, с интересом оглядывал нас.

— Н-с, г-м... г-м...

Это столь типичное для Константина Сергеевича «г-м... г-м» он всегда произносил очень громко и каждый раз с новым подтекстом. В данном случае оно как бы говорило: ну, раскрывайтесь, дайте мне материал, по которому бы я смог судить о вас, узнать вас.

— Как вы себя чувствуете у нас? — обратился он вдруг к Вере Николаевне. Очаровательная актриса, она превратилась внезапно в маленькую институтку.

— Мы прошли через сцену, — взволнованно, робко, сбивчиво начала В. Н. Попова рассказ о нашем первом дне за кулисами МХАТа, — и я ощутила громадную преданность и почтение к этим подмосткам.

От волнения голос у нее стал совсем слабым и очень тихим. Я не знаю, все ли услышал Константин Сергеевич, но он внимательно слушал Веру Николаевну, очевидно почувствовав в ее трепетных словах глубокую искренность, радостно, счастливо заулыбался, как-то по особенному тепло и приветливо.

— Очень хорошо, что вы так относитесь к нашему театру, — Константин Сергеевич перевел взгляд в мою сторону.

Нечего и говорить, что в эту первую встречу с Константином Сергеевичем все мы от волнения чувствовали себя крайне напряженно. Я сидел на трех четвертях стула, не касаясь спинки, вытянув носок (есть такая фигура сидящего в салонной позе). Я знал, что Константин Сергеевич любит воспитанных людей и из всех сил старался понравиться ему по вкусу.

— А вы как себя чувствуете, Петр Анатольевич? — обратился ко мне Константин Сергеевич, уловив, конечно, всю смешную неловкость моей позы (имена и фамилии он часто путал).

— Очень хорошо, — ответил я, натянуто улыбаясь, с неудержимым желанием понравиться ему.

— Он всегда себя чувствует хорошо, Борис, он у нас...

Я не знаю, как хотел аттестовать меня Сахновский, но появились Мария Петровна, Лилина и Ольга Леонардовна Книппер-Чехова.

Мы вскочили, галантно расшаркались, поцеловали ручки вошедшим дамам. У Кторовы это было органично, у меня же раздражительно. Константин Сергеевич молча следил за нашим поведением, и ловя на себе его понимающий взгляд, я чувствовал, что пересаливаю в галантности. Завязалась шумная оживленная беседа.

— А Левушка (речь шла о композиторе Л. Книппере — племяннике Ольги Леонардовны) написал песню и вчера играл ее публично. Получил большое одобрение, — произнесла Ольга Леонардовна.

— Ваш Левушка талантливый человек, а вы его прячете... Как называется песня?

— «Полюшко-поле».

— Крестьянская?

— Нет, военная.

Разговор завязался вокруг Дальнего Востока.

— Кто же это там бунтует?

— Хунхузы, — почти извиняясь сообщил Кторов.

Потом перескочили на что-то другое — темы бесед калейдоскопически менялись. И всякие сообщения, а все хотели сообщить непременно что-нибудь интересное и важное, вызвали у Константина Сергеевича реакции буквально неудержимо пытливого ребенка. Он то хохотал, и это всех радовало, то мрачнел, то заслушивался. Казалось, что все поры его громадного существа участвовали в беседе.

— Мария Петровна, ты плохо принимаешь наших гостей.

— Нет, все уже готово.

И действительно, вскоре вкатили сервированный стол. Сделала это степенная старушка — такие старушки водились раньше в особняках. На столе был замечательный пирог, печенье и бутылка кардонахи.

Для тех, кто не посвящен, я хочу напомнить, что Константин Сергеевич очень неуважительно относился к людям, пристрастным в той или другой мере к спиртным напиткам. В отношении же любителей этих «развлечений» он был нетерпим.

Мария Петровна разлила по рюмкам вино (Константину Сергеевичу она только капнула, и он, чтобы не стеснять нас, закрыл свою рюмку рукой) и предложила мне. То ли от галантности, то ли от смущения, я громко произнес:

— Ради бога, не беспокойтесь. Я очень благодарен. Я красного не пью, — тут же поймал на себе два острейших глаза Станиславского.

— Что? Не пьете красного, значит предпочитаете белое? Ох, ох, ох...

На помощь мне подоспел Сахновский, с каким-то веселым замечанием. Все засмеялись, и наступила маленькая, обычная в таких случаях пауза, во время которой Кторов случайно убил пролетающую мимо моль.

— Кому это вы аплодируете? — тотчас спросил Константин Сергеевич.

— Это я так просто...

Константин Сергеевич беспрестанно шутил, поддерживал разговор, выдумывая какие-то интересные истории, смешив всех. Но ни на минуту во время этой непринужденной беседы, мы не переставали чувствовать на себе его пристального внимания. Глаза его, как шупальцы, охватывали нас, изучающе проникали в самую глубину наших существ. Скрыть от него что-либо было невозможно. И такая высокая требовательность, такая духовная чистота были во всем его облике, что поневоле становилось стыдно, неловко от каких-то своих,

пусть даже самых пустяковых грешков.

К нему надо было приходиться очищенным.

Насколько глубоко и верно знал и понимал человека Константин Сергеевич, мы вполне убедились потом, на его репетициях.

— Почему у вас такое неестественное выражение глаз? — спросил он однажды у какого-то актера. — Разожмите пальцы ног.

Эффект получился необычайный...

«Верю» — «Не верю» — это известные слова Константина Сергеевича Станиславского, определяющие жизненность, правдивость актерского поведения. Но чтобы иметь право сказать это «верю», надо, действительно, уметь ощущать и понимать людей, понимать актерскую психику (психологию) так, как это умел Станиславский.

Когда мы уходили, нам бросился в глаза целый ряд книг, примерно следующих названий: «Очерки психологии», «О душе человека и животных», «Очерки по физиологии здорового и больного человеческого организма».

Мы прощались.

— Надеюсь, будем встречаться. Освойтесь с нашим театром. Полюбите наших товарищей. Но не торопитесь, спокойно, умеете брать от нас хорошее и не заражайтесь дурным, — радушно, доброжелательно напутствовал нас Константин Сергеевич, чью заботу и внимание мы как и все ощущали потом в театре на каждом шагу.

Не помню, откуда в его руках появился букет цветов. Он сам бережно улаживал его в папиросную бумагу, вынул из лацкана булавку, кольнул руку Веры Николаевны, потом свою, попутно заметив, — это, чтоб нам не поссориться. Он протянул Вере Николаевне букет и мы простились.

Оставшись на лестнице, переглянулись и заговорили шепотом и жестикуляцией:

— Ну как? — спросил я у Кторовы.

— У вас был такой вид, что я чуть не умер от хохота. Вы внутренне жили таким ощущением, будто хотели доказать Константину Сергеевичу, что вы воспитаны в пажеском корпусе.

Я не хотел мстить Кторову и только сказал:

— Вера Николаевна, а вы заметили, что Петрович во время визита стал еще хуже и из старых арсеналов вытаскивал архаические слова вроде «хунхузы».

Мы рассмеялись. На душе было и взволнованно, и радостно, и легко. Мы были околдованы этой первой встречей.